

А. Л. КАЗИН,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского института кино и телевидения, заведующий сектором Российского института истории искусств

ДУХОВНЫЙ ИДЕАЛ РОССИИ

В настоящее время в мире насчитывается семь крупных самостоятельных цивилизаций (культурно-исторических типов), тесно взаимодействующих друг с другом. Со времен Н. Я. Данилевского и до А. Тойнби эти цивилизации именовались по-разному, но сегодня их центр и границы можно считать достаточно выясненными. Цивилизации эти (в алфавитном порядке) суть следующие:

- арабо-мусульманская;
- африканская;
- восточноазиатская (китайская и японская);
- восточно-христианская (православная);
- западно-христианская (европейская и североамериканская);
- южноазиатская (индийская);
- южноамериканская (латиноамериканская).

Цивилизация — это уникальная (личностная) антропологическая сущность, развернутая в социальном пространстве-времени. В качестве социальной личности цивилизация обладает онтологическим единством своего духовного и материального бытия, в то время как культура — это преимущественно светская (мирская) форма духовного существования соответствующего социума. Строчение цивилизации подобно кукле-матрешке: внутри находится духовное ядро, включающее в себя религиозную веру и национальный язык. Вокруг ядра расположен ряд концентрических оболочек, образующих: а) собственно культуру (миропонимание, нравственность, искусство); б) сферу государственности (власть); в) область технологии (экономика, хозяйство).

Духовное ядро отечественной цивилизации образуют православная вера и русский язык. Крещение Руси по православному обряду означало принятие сию христианства, не искаженного

особенностями римского рационально-юридического сознания. Это оказало решающее влияние на последующую русскую историю и культуру вплоть до XX столетия, одновременно отделив ее от романо-германской Европы. Православие всегда стремилось к богосыновству (а не к богорабству или богоборчеству) в вере, государственности и просвещении. Современный германский философ Ф. фон Лилиенфельд верно заметила по этому поводу: “В России не было Реформации, но у вас были собственные события. Сравните: у вас — татарское иго, у нас (то есть в Европе. — А. К.) — расцвет схоластики и рыцарской поэзии. Русь страдала — и шла вглубь: вспомните проповеди Серапиона Владимирского, “Слово о погибели Русской земли”. Эта способность уйти вглубь дала удивительное явление, которое получило название “северной Фиваиды” — Сергей Радонежский и другие. Такого влияния монашества на культуру на Западе никогда не было. Этот путь вглубь человека и создал традицию” (Лилиенфельд фон Ф. Восстановление? Нет — возвращение! // Лит. газета. 1988. 13 апр. С. 13.). Пользуясь образом Л. П. Карсавина, можно сказать, что существенно иначе (по сравнению с дуальным католическо-протестантским менталитетом) сложилась сама “симфоническая личность” русского народа, относительно которой дилемма “божеское — человеческое” оказывается вообще малоприменимой. На Западе римская курия вела успешные политические войны с королями, в то время как Русская Православная Церковь находилась с московским царем в состоянии симфонии. (Речь, разумеется, идет о принципе, а не о его нарушениях с той и другой стороны.) Со своей стороны Иоанн IV Грозный, например, приносил искреннее церковное покаяние за свои жестокости, а в письмах к князю Курбскому оправдывался перед беглецом: “Отец и Сын, и Святой Дух ниже начала имеет, ниже конца, о Нем же живем и движемся. Им же цари величаются и сильные пишут правду” (Первое послание Ивана Грозного князю Курбскому // Переписка Ивана Грозного с князем Курбским. Л., 1979. С. 12.). Сравните это с открытием одного из героев Достоевского: если Бога нет, то какой же я капитан?

Очевидное доказательство *негодности* для России логической антиномии небесного и земного — это, конечно, творчество А. С. Пушкина. Г. П. Федотов назвал в свое время Пушкина певцом империи и свободы; на самом деле речь должна идти о *тайной христианской* свободе. Пушкин, как известно, начинал как вольтерьянец и друг декабристов, а закончил свою жизнь монархистом и другом царя.

Если воспользоваться богословским выражением, русский поэт Пушкин сделался в своем творчестве созерцателем *премирных вещей*, то есть “семенных логосов” твари, равно как и пронизывающих ее софийных энергий (и “неба содроганье”, и “гад морских подводный ход”), и абсолютно отказался от нехарактерной для классической русской культуры распри вызова и послушания. Гениальность и святость ипостасно совпали в явлении Пушкина: его космос был построен в троичном измерении, исключаяющем как монологическую гордыню, так и дуалистическое соглашательство. Автор “Медного всадника” дерзал раздувать огонь сотворения Нового, но это было именно со-творение, сообразное с вечными идеями Бога о земле и людях. В этом плане автор “Бориса Годунова” и “Капитанской дочки” был великим русским консерватором — настолько глубоким, что его приверженность к отеческой традиции включала в себя ее свободное испытание: Пушкин не боялся за нее.

Тайная русская свобода в глубине своей отрицает раздвоение духа между фарисейски исповедуемой святостью и реально осуществляемым грехом. В этом плане русской истории как бы не было: симфоническая личность России метафизически остается с Богом, участвуя в мировом прогрессе лишь поверхностными слоями своей цивилизации. Если мировой либеральный прогресс направлен от рая к аду (а в этом ныне мало кто сомневается), то Россия дольше других сопротивлялась подобной цивилизации. После Петровских реформ она создала целую “империю фасадов”: Петр Чаадаев и маркиз де Кюстин были отчасти правы, подчеркивая искусственный характер российского европеизма. В завитках барокко, вольтерьянства и императорского абсолютизма соборная душа России продолжала жить по модусу “не так, как хочется, а так, как Бог велит”. Выражения вроде “русский классицизм”, “русское нищестанство” или “русская демократия” означают не больше, чем “православный поставангард” или “американская

соборность”. Даже марксистский коммунизм как последнее слово западного либерально-атеистического движения Россия сумела в конце концов преобразовать в соответствии со своим “кондовым” менталитетом. Диалектика господства и рабства, как было известно еще Гегелю, трудная диалектика, и нужно подумать, прежде чем безоговорочно предпочесть господина (владельца, пользователя существования) “малым сим”, этим ко всему притерпевшимся “олухам царя небесного”. Они отдали земли и фабрики генералиссимусу, но в глубине души они ощущали, что коренные ценности сущего не могут принадлежать никому лично, что они “боговы”. Это стремление “отдать свое” (подлинное мое — то, что я отдал) красной нитью проходит сквозь Русь Советскую, хотя вся марксистская идеология требовала как раз взять чужое. Православный Крест незаметно, но упорно прорастал и сквозь петербургский миф, и сквозь мифологию научного социализма.

Если попытаться построить философскую модель русской культуры, то можно сказать, что это православная христианская культура с резко выраженным антиномизмом мистико-аскетического (консервативного) “верха” и индивидуалистического (либерального) “низа”; по цивилизационной горизонтали этот антиномизм проявляется в противопоставлении азиатского “ничто” и европейской “формы”. Именно переживание трансцендентного как имманентного (в отличие от новоевропейского метафизического дуализма) делает из России средоточие мировых сил, где человек обречен на ангелический (или демонический) выбор. В России вообще не произошел процесс секуляризации культуры. Россия не испытала в полной мере Возрождения, Реформации и Просвещения, через которые прошла романо-германская цивилизация. Одним из существенных признаков православно-русского культурно-исторического типа является отсутствие юридического компромисса между духовными полюсами жизни: нормой остается их взаимоотрицание, а не взаиморавнодушие. В отличие от Запада, русская духовность делит мир не на три (рай — мир — ад), а на два (рай — ад), а все земное как бы растянато между божественным и бесовским; особенно это касается культуры, власти и богатства. Духовная вертикаль, как, впрочем, и европейско-азиатская горизонталь русского сознания, имеет по этой причине некоего “темного спутника” в виде невыстроенной, пренебрегаемой поверхности существования, служащего своего рода гарантом эмпирического неблагополучия России, ее нежелания и неумения *удобно* устроиться на земле (“странничество”). Однако в своем трансцендентном ядре православно-русская цивилизация переживает себя в *акте преодоления* указанной двойственности, придающего отечественному бытию-к-истине рационально не формулируемую глубину.